

ВЕЛИКИЙ СЫН УКРАИНСКОГО НАРОДА

ТИТАН ТРУДА ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

«Каменяр», «вечный революционер», «титан труда». И за творчеством его навечно закрепилось тоже символическое название — Франкова кузница. Все эти имена и названия — хотя и далеко не полностью — отражают сущность великого деяния человека, который во второй половине XIX и на пороге столетий поднялся на галицкой земле. Поднялся и ударил словно и впрямь тяжелым молотом каменья в стену коронованных крепостей мира, и, казалось, в безнадежном мраке стал учить свой народ грамоте, правде и добру, посвятив себя этому труду, как посвящает всего себя хороший кузнец, который должен уметь сделать все: от гвоздя, подковы, плуга, серпа — вплоть до булатного оружия, когда в нем возникает потребность, а кроме того, стоя в этой работе, должен успеть воспитать еще и учеников.

Иван Франко делал все, и не было для него более и менее важного дела: труд над большим научным исследованием и придирчивое редактирование чужих рукописей, взлет к вершинам человеческой мысли в поэме «Моисей» и приведение в порядок апокрифов, непревзойденные для того времени по мастерству и социальной проблематике повести «Бояконстриктор» и «Перелутя» и поэма для детей «Лис Микита», труд ученого-экономиста и труд этнографа, вспышка самых интимных чувств в сборнике «Увядшие листья» и взрыв колочей сатиры в «Ботокудах», неуспешная переводческая деятельность и злободневное рецензирование, драматургия и пламенная публицистика — словом, не было литературной борозды, на которой бы не трудился Иван Франко. И когда мы называем его необозримое наследие кузницей, то в этом слове таится глубинная сущность его деятельности: сын кузнеца и сам кузнец мысли осознал, как никто иной из его современников, что народу, пробужденному от мертвящих спячки, нужен и гвоздь, и молот, и серп, и острейшее оружие в духовной илостаси.

Франко оскорбляли идейные противники, называя его «гениальным продуцентом», его укоряли друзья за то, что он будто бы «растреливает свой талант, перескакивая от одного занятия к другому», а он отвечал и друзьям и недругам, что, будучи образованным человеком, не может оставаться чуждым ни в одном из вопросов, составляющих содержание человеческой жизни, и, познав их, должен приложить усилия, чтобы поделиться своими знаниями с простыми людьми.

Осмисливая сегодня широту, глубину и высоту феномена Франко, давайте задумаемся — какие же факторы создали величие этого человека, ставшего в конце концов целой академией.

Исключительная память? Да. Исключительное трудолюбие и трудоспособность? Конечно. Исключительная образованность и эрудиция? Естественно. Могучий природный талант, гениальность? Безусловно. Но не только.

Вернемся назад на каких-нибудь тридцать лет от даты рождения Ивана Франко. Мы встретим целый ряд имен деятелей культуры в Галиции, из которых если не каждый, то каждый второй мог приблизиться в какой-то мере к величию Франко. Это Иван Могильничский — автор первой в Галиции украинской грамматики, который даже напечатать не смог, — его засмеяли и затюкали рутенцы, считавшие народный язык ископаемым раритетом; это и Иосиф Лозинский — талантливый исследователь языка, в силу обстоятельств вернувшийся, что украинская культура может выйти на европейскую сцену только с латинским алфавитом; это светлый талант Маркиана Шашкевича, убитый чехоткой, полицейской травлей и австрийской цензурой; это извращенный погодишник москвофильством Якоб Головацкий. Почему ни один из них не сумел встать хотя бы примерно на франковский уровень?

Да прежде всего потому, что они боролись в полном мраке и никто до них ни одним лучом не осветил поля, на которое эти деятели культуры вышли трудиться.

Иван Франко родился тогда, когда Европа уже знала марксизм «Манифест». Он увидел свет в то время, когда прославляемый Тарас Шевченко добывал последний год солдатской муштры; юность Ивана Франко разбудил гром Парижской Коммуны; зрелость его совпала со зрелостью Льва Толстого и Эмиля Золя. Франко, кроме всех своих природных и приобретенных способностей, имел еще и светлое мировое окружение, постоянно подававшее ему пример, как можно развивать свой талант наиболее полно.

Детство И. Франко совпало с нарастанием рабочего революционного движения в Европе. Ростки пролетарской борьбы пробивались и в Галиции на нефтяных промыслах. Кто знает, не стал ли бы Иван Яковлевич простым добросовестным кузнецом, как и его отец, если бы в той отцовской кузнице, по словам самого Франко, не велись разговоры о Бориславе, о закопах и ямах, в которых «на этой неделе погибло пятеро мужиков, а девочка в одной яме задыхалась троих», а вот тот бориславец пошел по миру с сумой. Для мальчика Ивана в этих словах звучало что-то новое, и, подрастая, он, в отличие от своего отца, сжившегося со старыми порядками, ощущал неминуемое нарастание народного гнева — новая революционная эпоха заявляла о себе, Франко было суждено в ней созреть.

Судьба не скупилась на испытания для него. Она не скупилась на них и для его предшественников, однако по-разному те испытания воспринимали своих избранников: предшественники гнули, а то и ломали, Франко закаляла для борьбы. Его не первого гнали этапам. Почти по той же самой дороге — от Коломыи до Ясенева Горинского — прошел когда-то писатель Иван Вагилевич. Но если у Вагилевича этапный марш посеял страх, навеки по-

губивший его, то у Франко воспитал мужество, не оставлявшее его до последнего дня жизни.

Если Маркиан Шашкевич, обесиленный преследованиями духовенства и полиции, угнетенный одиночеством, поддался лютую недугу, а еще хуже — духовной депрессии, то у Ивана Франко, измученного тюрьмами, «дух тело рвал к бою», потому что примером для него была нестигаемость Тараса Шевченко.

Если Яков Головацкий запутался в погодишско-москвофильской демагогии, то Франко, знакомый с трудами Чернышевского, гневно осудившего москвофильство, четко различал русский народ и русское самодержавие, провозглашая: «Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра».

Если Иван Вагилевич увлекся в конце своей жизни исследованием генеалогии польской шляхты, то Франко, просвещенный социалистической литературой, имел возможность оценить польскую историю с классовых позиций.

Ивана Франко породило новое время. Но он не был только его продуктом. Великий мыслитель сам — один из тех, кто формировал эпоху, вооружившись самыми передовыми идеями времени. Он сам переводил «Манифест Коммунистической партии» и разделы «Капитала» на украинский язык.

Семидесятые годы XIX века. В Галиции среди соглашателей, отступников и ботокудов еще ведутся споры о том, как алфавитом писать, еще ведутся дискуссии — самостоятельным ли является украинский язык или же это диалект; в царской России беснуется реакция, валуевским указом провозглашено, что такого языка не было, нет и быть не может, а во Львове еще мало кому известный юноша призывает разбить скалу мрака и проложить твердую дорогу к новой жизни. Двумя годами позже голос юноши окрепнет, символика «каменяр» сменится поэтическим манифестом «Вечное революционное».

Франко был услышан эпохой. Запретили власть имущие от страха перед провозвестником угнетенного класса. Поэта гонят этапам, бросают в тюрьмы, но клич его пробуждает молодежь. Провозвестник весеннего грома лишь тогда не дождал до его раскатов.

Иван Франко знал себе цену, он имел моральное право сказать о себе: «Я есть мужик, пролог, не эпилог», он имел право надеяться, что в новом всечеловеческом храме кто-нибудь добрым словом и его помянет. В поэме «Моисей» есть строки, которые мы, не колеблясь, переадресовываем великому Каменяру:

Я ж весь вік свій, весь труд тобі дав
у незлобнім завзятті,
підеш ти у мандрику століть
з мого духа печаттю.

С печатю духа поэта идут в века новые и новые поколения, участь во франковской кузнице, с сыновней благодарностью чтя память Каменяра-учителя, титана труда.

Роман ИВАНЧУК.
Писатель.

сознание своего долга перед народом.

Иван Франко сам объяснил феномен: «Как сын украинского крестьянина, вскормленный черным крестьянским хлебом, трудом твердых крестьянских рук, чувствую обязанность барщиной всей жизни отработать те гроши, которые бросала крестьянская рука на то, чтобы я мог выкарабкаться на высоту, где виден свет, где пахнет воля, где брезжат всечеловеческие идеалы».

Иван Франко сознавал еще и то, что, несмотря на свои исключительные способности, сам не сможет выполнить всех требований времени, поэтому он стал учителем в своей собственной школе, в которой жили за парты самые талантливые ученики — их тоже вызвала к жизни та же эпоха, которую в горах мировых будителей будил Иван Франко. Это прежде всего Леся Украинка, Василь Стефаник, Марко Черемшина, Гнат Хоткевич, Ульяна Кравченко, Павло Грабовский — через школу Франко прошли все талантливые писатели, начиная с восьмидесятых годов XIX века, и проходят до настоящего дня.

Скупой на похвалы, требовательный Иван Франко, едко нападавший на своих идейных противников (его рецензии вдруг становились резкими памфлетами), не скупился на высокие оценки своим ученикам. Собственно, не оценки, а определения, которые формируют характеры писателей и обаяют их быть все время такими, какими их назвал Франко.

Не слышим ли мало сегодня знаем мы Ивана Франко? И не об отдельных его произведениях идет речь, а о самой цене вклада великого писателя в национальную и мировую культуру, в социальное развитие общества, о цене его гениальных прозрений:

Щезнуть мекі, що
чужі між собою...
Та прийде час, і ти вогнистим
заснеш у народів вольних
колі.

Пророчество Тараса Шевченко о «семье вольной, новой» трансформировалось в поэзию Ивана Франко конкретными определениями судьбы своего народа в близком будущем. Провозвестник весеннего грома лишь тогда не дождал до его раскатов.

Иван Франко знал себе цену, он имел моральное право сказать о себе: «Я есть мужик, пролог, не эпилог», он имел право надеяться, что в новом всечеловеческом храме кто-нибудь добрым словом и его помянет. В поэме «Моисей» есть строки, которые мы, не колеблясь, переадресовываем великому Каменяру:

Я ж весь вік свій, весь труд тобі дав
у незлобнім завзятті,
підеш ти у мандрику століть
з мого духа печаттю.

С печатю духа поэта идут в века новые и новые поколения, участь во франковской кузнице, с сыновней благодарностью чтя память Каменяра-учителя, титана труда.

Роман ИВАНЧУК.
Писатель.

Иван Яковлевич Франко родился 27 августа 1856 г. в семье деревенского кузнеца в селе Нагуевичи, ныне село Иваново-Франково Дрогобычского района Львовской области. Родители его умерли, когда писатель был еще мальчиком.

С шести лет Франко учится в начальной школе села Ясеница. С 1864 г. — в школе при монастыре василиан в Дрогобыче, а затем в Дрогобычской гимназии. В 1875 г. поступил на философский факультет Львовского университета. Однако окончить его ему не удалось.

Во время пребывания в университете Франко объединяет вокруг себя прогрессивную молодежь, развешивает литературную и издательскую деятельность. В журнале «Друг» за 1876 г. появляются его статьи, рассказы.

В июне 1877 г. И. Франко вместе с двумя членами редакции журнала «Друг» был арестован и обвинен в социалистической пропаганде. Более восьми месяцев находился в заключении.

После освобождения из тюрьмы Франко активно включается в рабочее и социалистическое движение: входит в состав львовского «Рабочего комитета», читает лекции в рабочих кружках, составляет популярное пособие по политэкономии, переводит на украинский язык отдельные главы «Капитала» И. Маркса и работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», редактирует рабочую газету «Праца» («Труд») на польском языке.

Преследуемый властями, лишенный средств к существованию, Франко выехал весной 1880 г. из Львова в провинцию, где был вторично арестован и отправлен на родину в село Нагуевичи под надзор полиции.

Во Львове в 1881—1882 гг. выходил журнал «Світ» («Мир»). Он стал литературной и политической трибуной Франко. Здесь была напечатана повесть «Борислав смеется».

Летом 1889 г. Франко был арестован третий раз с группой киевских студентов. Их обвинили в связях с Россией, в стремлении оторвать Галицию от Австрии и присоединить ее к России. В тюрьме поэт написал знаменитый цикл стихотворений «Тюремные сонеты».

В 1889 г. Франко вместе с М. И. Павлыком и другими товарищами заключает основы Русско-украинской радикальной партии в Галиции. Два боевых органа партии — «Народ» (с 1890 г.) и «Хлібороб» (с 1891 г.) под редакцией И. Франко много сделали для политического воспитания масс.

28 июня 1893 г. Франко защитил в университете Венны диссертацию, за которую ему была присуждена ученая степень доктора философии. Замыслив на эту степень ему не пришлось. Против этого единодушно выступили австрийская буржуазия, польские и украинские буржуазные националисты.

1894—1897 гг. Франко издавал журнал «Нитте і слово». В этом журнале была опубликована его глубоко патристическая драма «Сон князя Святослава». Вокруг журнала объединились демократические силы украинской литературы — П. Грабовский, М. Коцюбинский, Л. Украинка и др. В этом журнале Франко напечатал статью Г. Плеханова. Здесь сообщалось о деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого В. И. Лениным.

Огромную одаренность проявил И. Франко в поэзии. Его сборники навсегда вошли в золотой фонд украинской литературы.

Поэма «Моисей» — плод многолетних раздумий Франко об исторических судьбах украинского народа. Законченная накануне 1905 г. она стала лебединой песней поэта.

Русскую революцию 1905—1907 гг. Франко встретил с энтузиазмом. В ряде статей писатель разъяснял молодежи важность революционного поворота для демократических преобразований не только в России и на Украине, но и в Галиции.

28 мая 1916 г. на шестидесятом году жизни, умер И. Я. Франко.

По постановлению Чрезвычайной сессии Всеукраинского Совета Мира в 1956 г. во всех странах было широко отмечено 100-летие со дня рождения И. Я. Франко.

«Иван Франко» в рейсі

Наче обрис батьківської хати	І між вами стелеться дорога
Із далеких, веселкових днів, —	Від портів далеких до Дніпра.
Пароплав зібрався	Ну, а там уже твої Карпати,
Від крутих гранітних берегів.	Де річки для тебе замалі.
Стрепенешся — то сигнал вогнистий	Певно, так в безсмертя відпливати
Спогадом неждано опече.	Можуть лиш великі кораблі, —
Над причалом небо синє й чисте,	Морем всенародної любові,
Борт високий — так, немов плече,	Руслом всеосяжної ріки.
Що твого торкнеться ніжно й строго:	Плеще хвиля об борти «Франкові»,
«Прощай, мені у путь пора!» —	Стелеться дорога крізь віки.

Микола ПЕТРЕНКО.

Братство

В весенний день
набухли почки жаром.
Спешат воспринять
первые цветы...
Глядит на Львов
из парка Каменяра
сам Каменяр
с гранитной высоты.

были вместе —
мыслители,
глаголющие,
борцы.
И, славя их
на наших братских мовах,
несем цветы
совсем недалеко! —
к стопам Максима Горького
из Львова,
а из Москвы —
к подножью Франко.
Константин ЕГОРОВ.

Этюд ПЕСНЯ

Мы с дедом Захаром едем
по направлению пастбища.
Оно лежит у подножия Витивской горы. Вспомнилось, что у пастбища два названия: «Байзар» и «Селище».

Когда-то в старину на его месте было село, потому-то, наверное, в человеческой памяти осталось одно из них — «Селище». А в центре этого старинного села нагуевичине соль продавали. Скорей всего это был базар, и со всех сторон к нему съезжались люди. Может быть, давние наши потопки слово «базар» на «байзар» переправили.

Теперьшние Нагуевичи раскинулись вдоль широкой дороги, приблизившись на пять километров от «Байзара», на запад, аж до Урицкого леса. Много лет назад жители и моего села Горища (до которого от Витивской горы рукой подать) тоже место своего проживания сменяли. Ибо между двумя реками, под вечной угрозой жили...

На севере нашли место безопасное — там, где когда-то шумели непроходимые дубовые леса. Так люди в старину искали лучшего для себя пристанища. А от бывших поселенцев оставался в памяти людей след — в старых названиях живет он.

— Да, — ответила женщина.

Она осмотрела меня с ног до головы и, заметив блокнот, спросила:

— Вы, наверное, из тех же людей будете, что и Франко Иван — писатель... Я девочкой еще маленькой пасу как-то коров на Селище и пою себе разные песенки. Мой голос по росе аж до Витивской горы стелется... Вижу, с горы спускается Франко Иван, Я петь перестала, застеснялась. А он идет прямо ко мне и в его руках такая же тетрадь. Сказал: «Добрый день, Анцон». Вытащил из кармана конфеты, дал мне. Я удивилась, что он ими мое знает, но спросить откуда — не решилась. Франко как-то очень по-доброму засмеялся, и мне показалось, что это мой покойный отец. На мгновение сделалось жарко в груди. Я пересилила себя и посмотрела ему в глаза, а глаза были синие, как небо. Он поглядел меня по голове: «А ну, Анечка, спой мне ту песенку, которую очень любишь...»

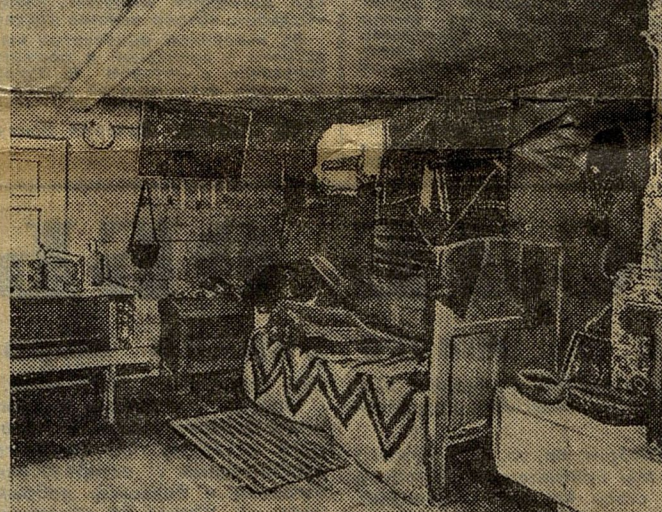
— Я все петь люблю, — говорю и смотрю на него... Анна вдруг замолчала. В ее глазах вспыхнули огоньки и быстро погасли. Помолчала, она продолжала: — И я все песни перепела... И я все песни перепела... И я все песни перепела...

В эти дни особенно многолюдно во львовском литературно-мемориальном музее Ивана Франко, расположенном в доме, где прожил последние 14 лет писатель. Новыми материалами пополнялась здесь экспозиция.

НА СНИМКЕ: в одном из залов музея.

Фото Б. Криштула.

ИВАН-ФРАНКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. В нынешнем Верховинском районе почти каждое лето, с 1900 по 1914 год, отдыхал и творил Иван Франко. В селе Криворивня, в частности, сохранились и дом, в котором жил писатель, и его личные вещи. В доме расположен литературно-мемориальный музей (на снимке).

Фото В. Миговича (РАТАУ).

значение их выходит далеко за рамки конкретного свидетельства. Вот один из примеров «интимной» лирики — «Я забуду»:

Я й забув, що то осінь холодна,
Я й забув, що то смерті пора,
Я й забув, що ти кров благородна,
Що між нами безодня стара,
Що між нами народні слози,
Що любитись нам зовсім не слід;
Я й забув, що столітні погрози
Відлучили від мого тай рід.

Каждый знает: в биографии поэта был момент, когда на

ХУДОЖНИК СЛОВА

тельность поэзий, — справедливо замечает издатель. — Учитывая это, 50-томник открывається поэтическими произведениями. При жизни писателя вышло всего около десяти изданий его поэтических произведений. Эти сборники известны: «З вершин і низин» (1887, 1893), «Зів'яле листя» (1896), «Мій Ізмарад» (1898), «Із днів журби» (1900), «Семпер тіво» (1906), «Давне і но-

тематической целостностью, завершенностью. Неудивительно, что уже строгим, продуманным отношением к самому композиционному поэтическим книжкам И. Франко как бы преподавал урок мастерства своим современникам и наследникам — это уже стало известной традицией, получившей развитие в советской литературе. Об этом свидетельствует каждый оригинальный поэтический

второй — потребность неустанного труда. Развивая дальше свою мысль, Франко в том же выступлении уточнял, что главное значение он всегда придавал завоеванию общечеловеческих прав, ибо знал, что народ, завоевывая себе общечеловеческие права, тем самым завоевывает и национальные права. Это не мешало бы помнить тем, кто и сегодня пы-

И несвѣдуща красота,
Вона не пестючі любови,
Не вітру шум, не шепіт хвиля.
Вона тверде, рішуче слово,
Вона охили духу голосний,
Вона давін, той, що народ скликає
В добі нещастя до дружини діл,
Потужна пісня бойова,
Защита серед граду стріл.

кузнец, который должен уметь сделать все: от гвоздя, подковы, плуга, серпа — вплоть до булатного оружия, когда в нем возникает надобность, а кроме того, споря в этой работе, должен успеть воспитать еще и учеников.

Иван Франко делал все, и не было для него более и менее важного дела: труд над большим научным исследованием и придирчивое редактирование чужих рукописей, взлет к вершинам человеческой мысли в поэме «Моисей» и привнесение в порядок апокрифов, непревзойденные для того времени по мастерству и социальной проблематике повести «Боа-конструктор» и «Перепутья» и поэма для детей «Лис Микита», труд ученого-экономиста и труд этнографа, вспышка самых интимных чувств в сборнике «Увядшие листья» и взрыв колочей сатиры в «Ботокудах», неунынная переводческая деятельность и злободневное цензурирование, драматургия и пламенная публицистика — словом, не было литературной борозды, на которой бы не трудился Иван Франко. И когда мы называем его всеобъемлющим наследием кузницы, то в этом слове таится глубинная сущность его деятельности: сын кузнеца и сам кузнец мысли осознавал, как никто иной из его современников, что народу, пробужденному от мертвящей спячки, нужен и гвоздь, и молот, и серп, и огнестрельное оружие в духовной ипостаси.

Франко оскорбляли идеями противники, называя его «гениальным продуцентом», его укоряли друзья за то, что он будто бы «расстреливает свой талант, перескакивая от одного занятия к другому», а он отвечал и друзьям и недругам, что, будучи образованным человеком, не может оставаться чуждым ни в одном из вопросов, составляющих содержание человеческой жизни, и, познав их, должен приложить усилия, чтобы поделиться своими знаниями с простыми людьми.

Осмысливая сегодня широту, глубину и высоту феномена Франко, давайте задумаемся — какие же факторы создали величие этого человека, ставшего в конце концов целой академией.

Исключительная память? Да. Исключительное трудолюбие и трудоспособность? Конечно. Исключительная образованность и эрудиция? Естественно. Могучий природный талант, гениальность? Безусловно. Но не только.

НИ ОДНО поколение читателей и почитателей великого Каменяра не имело возможности представить во всей полноте огромных масштабов его творчества. В нынешний юбилейный год эта возможность у нас имеется: успешно осуществляется колоссальный труд — издание наследия Ивана Франко в 50-ти томах, куда войдет практически все, что освоила советская литературоведческая наука. Пятидесят и т о м и к Франко — наглядный и убедительный пример неустанной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о развитии социалистической культуры, о бережном отношении к художественному таланту — «национальному достоянию».

Издание состоит из нескольких серий, каждая из которых представляет собой солидную библиотечку. Художественные произведения составили 25 томов, литературно-критические — 17, научно-публицистические — 5, письма — 3 тома. Подготовка к изданию каждой серии потребовала огромного труда большого коллектива научных работников, текстологов, издателей, но основная заслуга в осуществлении этого уникального издания, безусловно, принадлежит Институту литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (председатель редколлекции — член-корреспондент АН УССР, лауреат Ленинской премии Е. П. Кирилук).

Издание уже получило высокую оценку в печати, хотя работа над ним еще продолжается: выпущена в свет первая серия, появились отдельные тома литературно-критических произведений (вторая серия).

Каким же сегодня видит читатель Ивана Франко — художника слова? В настоящей статье хотелось бы остановиться на одном из ведущих жанров творчества Каменяра — его поэзии.

«И. Франко начал и закончил свою литературную дея-

тельную сцену только с латинским алфавитом; это светлый талант Маркиана Шашкевича, убитый чухоткой, полицейской травлей и австрийской цензурой; это извращенный погодни-ским москвофильством Яков Головацкий. Почему ни один из них не сумел встать хотя бы примерно на франковский уровень?»

Да прежде всего потому, что они боролись в полном мраке и никто до них ни одним лучом не осветил поля, на которое эти деятели культуры вышли трудиться.

Иван Франко родился тогда, когда Европа уже знала марксизм «Манифест». Он увидел свет в то время, когда прославившийся Тарас Шевченко добывал последний год солдатской муштры; юность Ивана Франко разбудил гром Парижской Коммуны; зрелость его совпала со зрелостью Льва Толстого и Эмilia Золя. Франко, кроме всех своих природных и приобретенных способностей, имел еще и светлое мировое окружение, постоянно подававшее ему пример, как можно развивать свой талант наиболее полно.

Детство И. Франко совпало с нарастанием рабочего революционного движения в Европе. Ростки пролетарской борьбы пробивались и в Галиции на нефтяных промыслах. Кто знает, не стал ли бы Иван Яковлевич простым добросовестным кузнецом, как и его отец, если бы в той отцовской кузнице, по словам самого Франко, не велась разговора о Бориславе, о закопах и ямах, в которых «на этой неделе погбило паче мужиков, а давеча в одной яме заваляло троих», а вой тот бориславец пошел по миру с сумой. Для мальчика Ивана в этих словах звучало что-то новое, и, подрастая, он, в отличие от своего отца, жившего с со старыми порядками, ощущал неминуемое нарастание народного гнева — новая революционная эпоха заявляла о себе, Франко было суждено в ней созреть.

Судьба не скупилась на испытания для него. Она не скупилась на них и для его предшественников, однако по-разному те испытания воспитывали своих избранных: предшественников гнали, а то и ломали, Франко закаляли для борьбы. Его не первого гнали этапом. Почти по той же самой дороге — от Коломыи до Ясенева Горинского — прошел когда-то писатель Иван Вагилевич. Но если у Вагилевича этапный марш посеял страх, навеки по-

стал учителем в своей собственной школе, в которой сели за парты самые талантливые ученики — их тоже вызвала к жизни та же эпоха, которую в горах мировых будителей будил Иван Франко. Это прежде всего Леся Украинка, Василь Стефаник, Марко Черемшина, Гнат Хоткевич, Ульяна Кравченко, Павло Грабовский — через школу Франко прошли все талантливые писатели, начиная с восьмидесятых годов XIX века, и проходили до настоящего дня.

Скупой на похвалы, требовавший от учеников, едко нападавший на своих и чужих противников (его рецензии вдруг становились резкими памфлетами), не скупился на высокие оценки своим ученикам. Собственно, не оценки, а определения, которые сформировали характеры писателей и обаяли их быть все время такими, какими их назвал Франко.

Не слышим ли мало сегодня знаем мы Ивана Франко? И не об отдельных его произведениях идет речь, а о самой цене вклада великого писателя в национальную и мировую культуру, в социальное развитие общества, о цене его гениальных прозрений?

Сезнуть межі, що чужі між собою... поміжували или Та прийде час, і ти вогнистим засяєш у народів вольних нолі.

Пророчество Тараса Шевченко о «семье вольной, новой» трансформировалось в поэзии Ивана Франко конкретными социальными и национальными определениями судьбы своего народа в близком будущем. Провозвестник весеннего грома лишь тогда не дождал до его раскатов.

Иван Франко знал себе цену, он имел моральное право сказать о себе: «Я есть мужик, пролог, не эпилог», он имел право надеяться, что в новом всечеловеческом храме кто-нибудь добрым словом и его помянет. В поэме «Моисей» есть строки, которые мы, не колеблясь, перадресовываем великому Каменяру:

Я ж весь вік свій, весь труд тобі дав у незлобнім завзяттію, — підеш ти у мандрику століть з мого духа печаттю.

С печатю духа поэта идут в века новые и новые поколения, учась во франковской кузнице, с сыновней благодарностью что память Каменяра учителя, титана труда.

Роман ИВАНЧУК. Писатель.

Если Иван Вагилевич увлекся в конце своей жизни исследованием генеалогии польской шляхты, то Франко, просвещенный социалистической литературой, имел возможность оценить польскую историю с классовых позиций.

Ивана Франко породило новое время. Но он не был только его продуктом. Великий мыслитель сам — один из тех, кто формировал эпоху, вооружившись самими передовыми идеями времени. Он сам перевел «Манифест Коммунистической партии» и разделы «Капитала» на украинский язык.

Семидесятые годы XIX века. В Галиции среди соглашателей, отступников и ботокудов еще ведутся споры о том, каким алфавитом писать, еще ведутся дискуссии — самостоятельным ли является украинский язык или же это диалект; в царской России беснуется реакция, валуевским указом провозглашено, что такого языка не было, нет и быть не может, а во Львове еще мало кому известный юноша призывает разбить скалу мрака и проложить твердую дорогу к новой жизни. Двумя годами позже голос юноши окрепнет, символика «каменяр» сменится поэтическим манифестом «Вечного революционера».

Франко был услышан эпохой. Затрепетали власть пмущие от страха перед провозвестником угнетенного класса. Поэта гонят этапом, бросают в тюрьмы, но князь его пробуждает молодое поколение поэтов, идущих за ним, ибо они чувствуют приближение прозы.

Франко декларировал революционные лозунги от имени нового революционного поколения. Но знал поэт: одной декларацией мало. Нужно неумолимо работать, чтобы на освещенном поле не зиял пустырь, всю свою жизнь посвятил Франко строительству духовных сооружений, став, по его собственному определению, «добровольным рабом свободы».

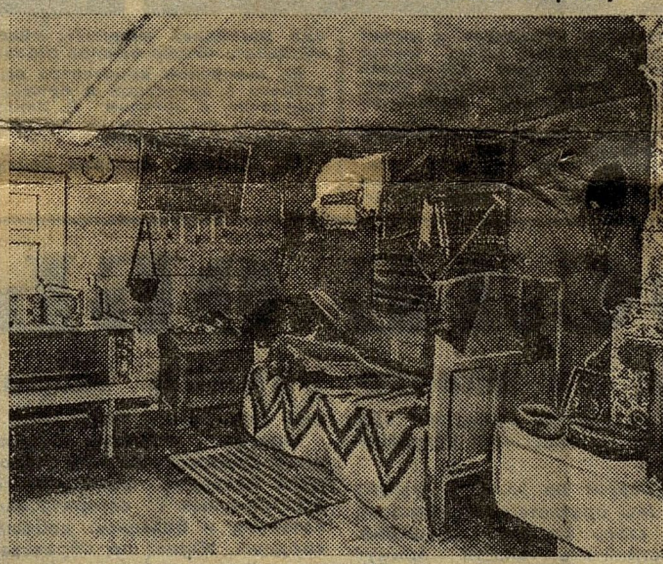
Тысячи произведений и научных трудов. Тысячи! И это свершил один человек, которому ничто человеческое не было чуждо, ибо и любил, и семью кормил, и путешествовал, и рыбачил. Свершил, ибо, кроме уникальной памяти, поразительного трудолюбия, большого эрудиции, могучего таланта, у Франко было еще и высокое

и социальное движение: входит в состав львовского «Рабочего комитета», читает лекции в рабочих кружках, составляет популярное пособие по политической экономии, переводит на украинский язык отдельные главы «Капитала» К. Маркса и работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», редактирует рабочую газету «Праца» («Труд») на польском языке.

В эти дни особенно многолюдно во львовском литературно-мемориальном музее Ивана Франко, расположенном в доме, где прожил последние 14 лет писатель. Новыми материалами пополнилась здесь экспозиция. НА СНИМКЕ: в одном из залов музея.

Фото Б. Криштула.

ИВАН-ФРАНКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. В нынешнем Верховинском районе почти каждое лето, с 1900 по 1914 год, отдыхал и творил Иван Франко. В селе Криворивня, в частности, сохранились и дом, в котором жил писатель, и его личные вещи. В доме расположен литературно-мемориальный музей (на снимке). Фото В. Миговича (РАТАУ).

Каждый знает: в биографии поэта был момент, когда на пути к его личному счастью непреодолимой стеной встали социальные предрассудки. Но разве это умаляет силу художественного обобщения?

Нельзя не упомянуть о поэтических переводах Ивана Франко. В новом издании они занимают внушительное место — начиная с восьмого и по тринадцатый том включительно. Без преувеличения можно сказать, что вся мировая литература нашла отражение в громаднейшей переводческой деятельности Франко. И прежде всего — русская. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Чернышевский и другие русские поэты привлекали его внимание постоянно. Известны его замечательные высказывания об огромном влиянии русской литературы на зарубежного читателя. Рука Ивана Франко — переводчика коснулась почти всех европейских литератур, а также художественных памятников древних культур других континентов. Невозможно переоценить значение Каменяра в деле укрепления литературных взаимосвязей, культурного взаимообогащения народов.

Гениальный поэт, титан труда и его вдохновенный певец, пламенный революционер-интернационалист — таким предстает перед нами Иван Франко в своих поэтических произведениях.

И. ДОРОШЕНКО. Профессор Львовского университета, доктор филологических наук.

«Иван Франко» в рейсі

Наче обрис батьківської хати	І між вами стелеться дорога
Із далеких, веселкових днів, —	Від портів далеких до Дніпра.
Пероплаз зібрався відпливати	Ну, а там уже твої Карпати,
Від крутих гранітних берегів.	Де річки для тебе замали.
Стрепенешся — то сигнал вогнистий	Певно, так в безсмертя відпливати
Спогадом неждано опече.	Можуть лиш великі кораблі, —
Над причалом небо синє	Морем всенародної любові,
Борт високий — так, і чисте,	Руслом всеосаянної ріки.
Немов плече,	Плеще хвиля об борти
Що твого торкнеться ніжно й строго:	«Франкові»,
«Прощай, мені у путь порай.» —	Стелеться дорога крізь віки.

Микола ПЕТРЕНКО.

Братство

В весенний день набухли почки жаром.	были вместе — мыслители, глассатели, борцы.
Спешат воспрянуть первые цветы...	
Глядит на Львов из парка Каменяра сам Каменяр с гранитной высоты.	И, славя их на наших братских мовах, несем цветы — совсем недалеко! — к столам Максима Горького из Львова, а из Москвы — к подножью Франко.
А над Москвой вознесся Буревестник: высокий лоб, казачие усы...	Константин ЕГОРОВ.
Они всегда — заочно	

Этюд ПЕСНЯ

Мы с дедом Захаром едем по направлению пастбища. Она лежит у подножия Витавской горы. Вспомнилось, что у пастбища два названия: «Байзар» и «Селище».

Когда-то в старину на его месте было село, потому-то, наверное, в человеческой памяти осталось одно из них — «Селище». А в центре этого старинного села нагуевичине соль продавали. Скорей всего это был базар, и со всех сторон к нему съезжались люди. Может быть, давние наши поминки слово «базар» на «байзар» переправилась...

Теперьшние нагуевичи раскинулись вдоль широкой дороги, приблизительно на пять километров от «Байзара», на запад, аж до Урицкого леса. Много лет назад жители и моего села Горища (до которого от Витавской горы рукой подать) тоже место своего проживания сменили. Ибо между двумя реками, под вечной угрозой жиды...

На севере нашли место безопаснее — там, где когда-то шумели непроходимые дубовые леса. Так люди в старину искали лучшего для себя пристанища. А от бывших поселений оставался в памяти людей след — в старых названиях живет он.

— Вот и Байзар! — сказал дед и остановился.

Солнце уже начало прятаться за Пидбузскую остроколючую гору. Его золотые лучи сыпались на ее вершок, и он переливался цветами радуги.

Мы сделали еще несколько шагов и присели на бревне напротив придорожной старенькой хаты. Захар запыхтел своей неразлучной глиняной трубкой, а я вытащил тетрадь и начал делать кое-какие заметки. Дед пригнулся к обильным бревнам, погладил их и проговорил:

— Вот основание дома будет. За двести лет в земле не сгниет.

Скрипнули двери, и к нам быстрыми шагами подошла женщина. Средних лет, худенькая, с живыми серыми глазами. Молодым грудным голосом сказала:

— Добрый вечер, — и уважительно поцеловала руку деду.

— Не нужно, Аня, не нужно, — глядя в глаза женщине, промолвил Захар, и обернулся ко мне: — Племянница женья. Когда-то и моя такая красивая была...

И, переведя взгляд снова на Анну, сказал:

— Передай, дорогуша, Василию, что фундамент из такого дуба вечен... К весне ставить будете?

— Да, — ответила женщина. Она осмотрела меня с ног до головы, и заметив блокнот, спросила:

— Вы, наверное, из тех же людей будете, что и Франко Иван — писатель... Я девчонкой еще маленькой пасу как-то коров на Селище и пою себе разные песенки. Мой голос по росе аж до Витавской горы стелится... Вижу, с горы спускается Франко Иван, я петь перестала, застесалась. А он идет прямо ко мне и в его руках такая же тетрадь. Сказал: «Добрый день, Анцо». Вытащил из кармана конфеты, дал мне. Я удивилась, что он имя мое знает, но спросить откуда — не решилась. Франко как-то очень по-доброму засмеялся, и мне показалось, что это мой покойный отец. На мгновение сделалось жарко в груди. Я пересилила себя и посмотрела ему в глаза, а глаза были синие, как небо. Он погладил меня по голове: «А ну, Анечка, спой мне ту песенку, которую очень любишь...»

— Я все петь люблю, — говорю и смотрю на него... Анна вдруг замолчала. В ее глазах вспыхнули огоньки и быстро погасли. Помолчав, она продолжила:

— И я все песни перепела ему, что знала. А Франко писал. Целую тетрадь исписал.

— Может быть, вы и нам что-нибудь споете?

Женщина смутилась: — Ой, песни давно уже по-вылетали из моей головы, как птицы из гнезда. — Она усмехнулась: — Подождите-ка, одну песню вспомнила, ее Франко очень любил. Вот послушайте:

Ой, летела зозуленка по Вікраїні,
Гей, розпустила золоте пір'ячко по долині.
А хто ж того золоте пір'я позбирав?

Гей, десь миленька миленького вишаріла...

Ліпша була суха риба, як з шафраном,
Гей, ліпше жити за нелюбом, як за паном!
Ліпше за нелюбом — бідувати, —
Як за паном, як за паном панувати...

Я быстро записывала песню, а Анна, закончив петь, сказала:

— Я ведь говорила, что и вы из тех же людей, что и Франко Иван...

Стемнело. Мы возвращались на Витавскую гору. От Тросниевых веяло прохладой. Из-за Дила выглянул месяц и спрятался за облаком.

Дмитро БАНДРИВСКИЙ. Перевод с украинского.